

ДЕТЕКТИВНОЕ

ЛЕТО

Татьяна УСТИНОВА
Евгения МИХАЙЛОВА

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

и другие :-)

Евгения Михайлова
Марина Крамер
Наталия Николаевна Антонова
Татьяна Витальевна Устинова
Елена Ивановна Логунова
Наталя Николаевна Александрова
Людмила Львовна Горелик
Детективное лето
Серия «Великолепные
детективные истории»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67671365
Детективное лето. Сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169118-9

Аннотация

Многие считают лето лучшим временем года, и совершенно заслуженно! С этим мнением согласны и популярные писатели Татьяна Устинова, Евгения Михайлова, Наталя Александрова, а также их талантливые коллеги по перу. В сборник «Детективное лето» вошли их короткие, но от этого еще более увлекательные

остросюжетные рассказы, пропитанные позитивным солнечным настроением.

Поклонники остросюжетной литературы получают огромное удовольствие, читая короткие криминальные истории, вошедшие в сборник «Детективное лето»! Любимые писатели по-прежнему удивляют своим остроумием и литературным талантом. Буквально на нескольких страницах разворачивается увлекательное действие с неожиданной развязкой.

В сборник входят рассказы:

Атланты держат марку – Елена Логунова

Румба на московской брусчатке – Марина Крамер

Болотный газ – Евгения Михайлова

Дело об изумруде – Татьяна Устинова

Мария Дюваль принесет вам счастье? – Людмила Горелик

Бронзовое копыто – Наталья Александрова

Темпераментная невеста – Антонова Наталия

Содержание

Елена Логунова	7
Марина Крамер	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Татьяна Устинова, Наталья
Александрова, Наталия
Антонова, Марина Крамер,
Людмила Львовна
Горелик, Елена Логунова,
Евгения Михайлова
Детективное лето
*Сборник рассказов***

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, админи-

страховую и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Елена Логунова

Атланты держат марку

Валентина Петровна Мордасова туго завязала горловину черного мусорного пакета и посмотрела в окно.

На небе, как на голубом экране, показывали цветное кино на ускоренной перемотке: розовое солнце закатывалось в черную тучу, та проливалась серым дождем, он превращался в белый туман, окутывал розовое солнце, которое пряталось в черную тучу – и все повторялось. Прекрасное летнее утро. Для Питера, разумеется.

Валентина Петровна проследовала в прихожую к зеркалу, скинула себя в нем критическим взглядом, дополнила временную ручную кладь в виде мешка с мусором обычной сумкой, вбила ноги в туфли и вышла из квартиры.

Захлопнув за собой дверь и не забыв убедиться, что та закрылась, Валентина Петровна проследовала на площадку к лифту.

Шествовала она важно, в спокойствии чинном. Спешить было некуда: гипермаркет, в мясном отделе которого по утрам недорого продавались прекрасные кости, работал с 9:00. Барство, конечно. В родном городке Мордасовой во глубине сибирских руд в такое время жизнь кипела и была ключом. В северной столице к девяти утра к стеклянным

дверям гипермаркета подтягивались только собачники с питомцами – конкуренты Валентины Петровны за мясные кости. Но избалованные комфортной городской жизнью песики и их хозяева были сонными, а Мордасова не зевала, так что неизменно успевала первой в забеге собачьих упряжек на золотой прииск. То есть к прилавку в мясном отделе.

Не то чтобы Валентина Петровна страстно любила мясные кости – она просто умела их готовить. Из неказистых фрагментов коровьих и свиных туш путем грамотной их переработки получался превосходный наваристый бульон для борща или горохового супа. А хорошо разваренное мясо необыкновенно облагораживало рассыпчатую гречневую или пшенную кашу. В последнее время эти традиционные блюда народной кухни составляли основу рациона Мордасовой. А почему нет? Дешево и сердито. И для здоровья полезно.

Конечно, когда она найдет работу и получит первую зарплату – купит большой кусок мяса без костей. Парную телятину. Вырезку. А пока – посторонитесь, городские собачки, на вашу кормовую базу претендует зверь покрупнее!

В шахте лифта отдаленно загромыхало, заухало, обещая относительно скорое прибытие кабины. Валентина Петровна ее терпеливо дождалась, внедрилась и от нечего делать погляделась в зеркало на стене. То добросовестно и без лести отразило предпенсионного возраста гражданочку типажа Фрекен Бок из мультфильма про Карлсона. Помаду она

подобрала неудачно: перламутрово-розовый не сочетался с выкрашенными хной волосами. А вот пухлый мусорный пакет, благоухающий мясными костями, отдавшими все лучшее борщу, который сейчас настаивался на плите в квартирке Валентины Петровны, ей даже шел. Как-то очень органично сочетался с курточкой из секонд-хенда и джинсами с Сенного рынка.

Мордасова дружеской улыбкой приободрила Фрекен Бок в зеркале и вынужденно потеснилась: на девятом этаже лифт остановился, и в кабину летящей походкой, затейливо сочетающей матросскую развалочку и финишный спурт олимпийского бегуна, ворвался юноша бледный со взором горящим. Глаза у него были красные, волосы растрепанные, щеки небритые, а горло натруженное. Колючим шерстяным голосом он прохрипел в дорогой смартфон:

– Чтоб через полчаса был как штык! – и свободной рукой нервно ткнул в кнопку закрывания дверей.

Лифт брякнул, как узник оковами, ухнул, как филин, и возобновил движение вниз. Юноша тяжело вздохнул, помотал головой и дважды аккуратно ткнулся лбом в стену.

Валентина Петровна, успевшая деликатно зажмуриться, чтобы не смущать случайного попутчика пытливым взором, открыла глаза и посмотрела на него с профессиональным интересом.

Не удержавшись, она спросила:

– Проблемы с трудовой дисциплиной?

В телодвижениях бледного юноши она уверенно опознала типичный комплекс утренней гимнастики несчастного руководителя, подчиненные которого уклоняются от свершения трудовых подвигов.

– Вы кто, эйчар? – неприязненно огрызнулся юноша.

– Боже сохрани! – Валентина Петровна размашисто перекрестилась свободной от мешка рукой. – Неужели похожа?

На них она вдоволь насмотрелась, обивая пороги разных учреждений в поисках работы. Эйчары все как один были ухоженными нарядными девочками в очках с простыми стеклами и с лаковыми ноготками. От Валентины Петровны они разительно отличались как внешностью, так и идейными соображениями.

Девочки-эйчары были убеждены, что соискателей старше сорока лет не стоит даже приглашать на собеседование, и за просто могли отказать специалисту с дипломом Московского высшего технического училища имени Баумана изысканной формулировкой: «На эту должность выпускники ПТУ претендовать не могут». Они заканчивали объявление о поиске опытных токарей и сварщиков (по умолчанию – не старше сорока лет) манящими строками: «Гарантируем молодой дружный коллектив и чай-кофе с печеньками» и окончательно отпугивали представителей суровых мужских профессий обещанием ничем не ограниченного духовно-личностного роста и эффективной прокачки скилзов.

Валентина Петровна про прокачку скилзов и думать не

хотела. В приличном обществе о таком не говорят.

– Я кадровик. Просто кадровик, – решительно отмежевавшись от эйчаров со всеми их непристойностями, сказала она юноше с той скромной гордостью, с которой понтифик мог быть молвить: «Я Папа. Римский Папа», а знаменитый агент 007 так прямо и говорил: «Бонд. Джеймс Бонд».

– Кадровик? – тусклые красные глаза попутчика зажглись, как кремлевские звезды.

Валентина Петровна приосанилась. Было очевидно, что юный красноглазик, похожий на недокормленного упыря, слышал от древних руководящих вампиров легенды о Великих и Могучих Кадровиках – ныне вымершем племени атлантов.

– С тридцатилетним опытом, – Мордасова сочла возможным похвастаться. – Могу вплотную приблизить к идеалу какой угодно коллектив – от заводского цеха до футбольной команды.

– А можете гр-мр-пр-хр? – юноша прокашлял иностранное слово, которого Валентина Петровна не поняла, но все равно кивнула.

Могу, мол. Что мне, Великому и Могучему Атланту, этот ваш гыр-мыр-пыр? Тридцать лет опыта – это вам не баранчихнул. И не вампир накашлял.

Неторопливый лифт наконец прибыл на первый этаж и торжествующим скрипом предложил пассажирам освободить помещение.

Не тут-то было: красноглазый юноша с нечеловеческой силой одной рукой удержал габаритную попутчицу, а другой ударил по кнопке девятого этажа:

– Вы-то нам и нужны!

Лифт недовольно пыхнул, бухнул, но все же повлек Мордасову и Красноглазика обратно в горние выси.

Валентина Петровна не сопротивлялась. Даже с небольшой задержкой на неожиданную экскурсию в вампирское логово она еще успевала к открытию гипермаркета.

На девятом этаже Красноглазик подвел заинтригованную Мордасову к железной двери с золотистыми циферками, складывающимися в легко запоминающийся номер 200, извлек из кармана узких коротких штанишек блестящий ключик и провернул его в замке.

– Вот! Прошу! – не без гордости провозгласил он, распахнув дверь в темное помещение.

– Офис? – поведя носом, уточнила умудренная тридцатилетним опытом кадровичка, не спеша переступить порог.

Несмотря на то, что в соответствии с поэтажным планом жилого дома за дверью располагалась стандартная двухкомнатная квартира, человеческим духом из нее не пахло.

Пахло нечеловеческим. Прямо-таки трупным. Версия с вампирским логовом приобрела убедительность.

– Да, а что? – Красноглазик канул во мрак того, что в плане было стандартной прихожей, хлопнул ладонью по стене

и включил свет. – В ипотеку взял. Это выгоднее, чем офис арендовать.

Валентина Павловна покивала – она тоже приобрела свою квартиру в ипотеку: три года, пять и восемь десятых процента, хорошие условия – и смело вошла в вампирскую, ой, стандартную двушку. Жизнь временно неработающей одинокой без пяти лет пенсионерки скучна, не упускать же редкий шанс развеяться?

– Вы здесь сами пока, океюшки? Почилите чуть, а я быстро сгоняю, мне позарез... – Красноглазик кашлянул и потер горло под небрежно намотанным шарфом. Под ним была футболка с коротким рукавом – наряд странноватый, но очень питерский. – Сейчас и стафф подтянется, и коник явится, и мы вам джоб-оффер чин-чином оформим.

– А где...

Валентина Петровна хотела спросить, где ей можно присесть, потому что в прихожей ничего похожего на стулья она не увидела – и без того тесное пространство было заставлено колоннами из картонных коробок, но Красноглазик понял ее по-своему.

– Где наш прежний эйчар? – Он вздохнул и развел руками. – Пропала!

Валентина Петровна хотела уточнить – в каком смысле пропала, не в худшем ли? Не вовсе ли сгинула?

Номер на двери, неприятно напоминающий о печальном «грузе-200», и нехороший запах заставляли тревожиться.

Но Красноглазик счел предварительную беседу законченной, потер ладошки и отступил за дверь, захлопнув ее за собой и оставив кадровика, просто кадровика (а не охотника на вампиров!) в плену двухкомнатной темницы.

– Вот это ты, Валя, вляпалась! – с недоверчивым изумлением сказала Мордасова сама себе и осторожно двинулась в обход картонных колонн, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться во что-нибудь отнюдь не фигурально.

Ближайшая дверь оказалась распахнутой настежь. В проеме смутно виднелись массивные угловатые предметы. «Гробы!» – азартно подумала было Валентина Петровна, неплохо представляющая себе интерьер стандартного вампирского жилища по голливудским фильмам. Но нет – это были столы, что выяснилось сразу же, как только отважная женщина посветила в комнату встроенным фонариком мобильного телефона.

На столах во множестве помещались плоские широкие мониторы и компьютеры – модные, серебристые, похожие на тонкие книжки. Ее богатый жизненный и профессиональный опыт включал достаточно близкое знакомство с современной оргтехникой, так что замшелой бабкой без пяти лет пенсионерка не была.

– Ноутбуки, – поняла Валентина Петровна и в подтверждение сказанного громко чихнула: в логове не только дурно пахло, но и было изрядно пыльно. – Бяки-буки...

Она перешла к следующей двери – та была прикрыта,

но не заперта, – толкнула ее и полюбовалась призрачным сиянием, разливающимся в правом дальнем углу, обычно именуемом красным, а в данном случае голубым. Там тоже имелся просторный стол, даже два, и оба с ноутбюками-буками. Один как раз был открыт и в меру своих сил работал осветительным прибором.

В кухню, санузел и кладовую Валентина Петровна заглянуть не успела. В замке мучительно проскрежетал ключ, входная дверь открылась, и в прихожую, на ходу привычно поворачиваясь боком, чтобы вписаться между коробками, ворвался низкорослый бородатый тип в свитере ручной узорчатой вязки и широких вельветовых штанах, подвернутых снизу так высоко, словно их владелец заранее знал об опасности во что-нибудь вляпаться и постарался минимизировать риск.

– Ваня, ай эм тут! – радостно крикнул он и еще раз айкнул, уже испуганно, едва не столкнувшись с выбравшейся из красно-голубого угла Валентиной Петровной.

– Вы кто? – упреждая аналогичный вопрос, спросила она. Красноглазик, убегая, пообещал ей скорое прибытие какого-то стаффа и еще коника. Не то чтобы Валентина Петровна всерьез ждала появления большой собаки (стаффордширские терьеры довольно крупные) и маленькой лошади мужского пола (сиречь коника), но гном в вельветовых портках в списке вовсе не значился, а потому по умолчанию должен был считаться посторонним. Пока не докажет обратное,

разумеется.

– Я-то Кондратий! – ответил гном после недолгого молчания, которого ему хватило, чтобы вытаращить глаза, почесать в затылке, помотать головой, нахмуриться, скрестить руки под поперечной косой на свитере и притопнуть ногой в зверовидном ботинке на подошве вдвое более толстой, чем «платформы» Валентины Петровны. – А вы кто, тетенька?

– Кондратий – это Коник? – «тетенька» быстро соображала.

– Йес, ай эм!

– А стафф?

– А со стаффом проблемы, – гномик Коник погрустнел. – Два фронтенда-девелопера – фьюить!

– Пропали? – понятиво уточнила Валентина Петровна.

Кажется, стало понятно, чем пахнет. Фронтенд-девелоперами, не иначе. Пропавшими. И даже протухшими.

– Йес, оф коз! Гена новых ищет, но где ж их взять... – гном вдруг взволновался, почти подпрыгнул и с новым интересом воззрился на Мордасову. – Но вы ж не он? Не она?

– Не оно, – с достоинством подтвердила Валентина Петровна. – Я кадровик, просто кадровик.

– Дирпопер?! – гном обрадовался, а Валентина Петровна – вовсе нет.

– Я бы попросила! – насупилась она. – Выбирайте-ка выражения. Смотрю, у вас тут проблемы с корпоративной культурой...

– Дирпопер – ит из директор по персоналу! – хихикнув, поспешил объяснить Кондратий.

Дух-дух! – сделала дверь, с размаху врубаясь в картонную колонну и опасно сотрясая устои.

– Кто, кто в теремочке сидит?! – басовито гаркнул здоровенный бурый медведь.

А, нет: парняга в просторной теплой рубашке из ворсистой ткани.

Придержав и усмирив взволновавшиеся коробки, он развернулся лицом к комическому дуэту Валентины Петровны и Кондратия и изобразил поклон:

– Рад приветствовать... Клаус!

– Клоун ты, а не Клаус, Коля, иди и впахивай, у тебя код не дописан! – строго прикрикнул на него гном Кондратий, он же Коник.

Валентина Петровна достала из сумки блокнот, в который вносила толковые мысли (они часто появляются на ходу) и списки покупок, она стала фиксировать имена новых коллег и наскоро набрасывать их характеристики. Потом оформит нормальные личные дела.

Вскоре после клоуна-Клауса-Коли появилась Анна (она же Нюха) – очень худая девушка с пирсингом в носу, бровях, ушах, нижней губе и, возможно, в других, менее очевидных местах. Интимные подробности скрывали просторные, сильно на вырост, бархатные штаны запорожского казака и свитер под горло, но без рукавов. При этом верхние конечности

казачки не выглядели голыми – их сплошь покрывали татуировки в виде кельтских символов. У Нюхи были голубые глаза, синие волосы и обкусанные ногти. Валентина Петровна сделала для себя пометку в блокноте: «Настойка красного перца». Очень помогает, если надо отучить ребенка грызть ногти – делает их крайне невкусными.

За Нюхой прискакал долговязый юнец, похожий на молодого жирафа: длинноногий, длинношей, с большими доверчивыми глазами и мягкими губами, из которых торчала палочка чупа-чупса. Жирафик представился Юрой («Юрец-огурец!») – хлопнув его по плечу в высоком прыжке, сказал гном Кондратий), не глядя швырнул в угол сброшенную с угловатых плеч курточку и устремился к столу с компьютером, походя сбив стул и не заметив этого. Через секунду из оккупированного им угла приглушенной барабанной дробью донесся мягкий перестук кнопок клавиатуры.

Вернулся Красноглазик, в миру Ваня, именуемый также Геной – сокращенно от «Генеральный директор»: лицо ослабленное, в каждой руке по картонной подставке на четыре гнезда, занятых бумажными стаканами.

– Большой американо, раф на кокосовом, крим-латте на миндальном, какао с зефирками, вроде никого не забыл! – он вручил одну подставку подоспевшему гному, а со второй повернулся к Валентине Петровне. – Забыл спросить, на каком топливе вы работаете? Взял капучино, латте и кофе по-советски, все на обычном молоке, сахар отдельно, вот!

– Не ожидала, спасибо, – поблагодарила Мордасова, принимая картонку со стаканами.

– Там еще двойной эспрессо, это Иванычу, – предупредил Гена-Ваня и канул в общий с гномом Кондратием кабинет, на ходу снимая бесконечный, как обмотка аккумулятора, шарф.

Упомянутый Иваныч пришел последним. Валентина Петровна, нашедшая на просторах офисного логова безобразно захламленную, как все тут, кухню, как раз успела расчистить от чашек с засохшими чайными пакетиками и закаменевшей кофейной гущей край стола и присела на прочную с виду коробку (стульев не было и тут), дегустируя предложенный ей кофе по-советски.

– Ньюша, клавишу свою забирай! – покричал вновь прибывший с порога.

Валентина Петровна, загодя вписавшая в свой блокнот ожидаемого Иваныча, собралась было запротоколировать и какую-то Клаву, но вовремя сообразила, что речь о компьютерной клавиатуре.

– Оп-ля! – Прибывший отдал Ньюхе плоскую коробку, заглянул на кухню и освободившимися руками хлопнул себя по коленкам. – Что творится-то! У нас нормальный человек?! Ты кто, прекрасное виденье?

Варвара Петровна почувствовала себя польщенной, но проявила уместную строгость:

– Здравствуйте, уважаемый! Меня зовут Валентина Пет-

ровна, а вас?

– А меня лучше бы вообще не звали, устал я, – мужик предпенсионного возраста, невысокий, почти квадратный, с коротким ежиком густых седых волос, бесцеремонно сдернул крышечки с бумажных стаканов, нашел свой двойной эспрессо и припал к нему, как истомленный жаждой бедуин. – О, хорошо! Оживаю...

Валентина Петровна смотрела на него холодно, с укором. Мужик под ее взглядом закашлялся, поставил пустой стакан, пригладил прическу, стальной ежик которой от этого нисколько не изменился, и наконец представился:

– Иваныч я.

Валентина Петровна добавила в свой взор бодрящего арктического морозца.

– Семенов Андрей Иванович! – вытянувшись во фронт, отпартовал мужик.

– Хи из админ наш. Иваныч, вольно! – ехидно молвил из прихожей вездесущий Кондратий. – Ши из эйчар.

– «Эйчар!» – Валентина Петровна передернулась.

– «Админ!» – фыркнул мужик и потянулся за стаканом с латте. – Фу, гадость! Еще и без сахара... – он укоризненно посмотрел на Валентину Петровну, как будто это она должна была позаботиться о сладости напитка, и доверительно поведал: – Админ – это по штатке, а так я тут за все, – Иваныч раскинул руки, охватывая захламленные просторы. – И по железу, и если что вообще починить. Они же, мелюзга,

ничего не умеют. Крутить отверткой – безнадежно утраченный навык. Мать заменить – в сервис. Клаву перебрать – а как это? Вы представляете, они меня спрашивают: а правда, Иваныч, что в ваше время клавиатуры деревянные делали и, чтобы сменить язык, надо было новую из доски вырезать? А правда, что компы были большие, как дом, из танкового железа и так сильно грелись, что вы на них стейки жарили?

Он сокрушенно вздохнул, шумно выглотал капучино и печально констатировал:

– Поколение гениальных рукожопов. Обитатели виртуального мира. Не то что мы с вами, дорогая Валентина Петровна...

Нахал накрыл руку Мордасовой шершавой мозолистой ладонью, но Валентина Петровна, решительно не готовая так быстро становиться дорогой, выдернула длань из захвата и громко – чтобы все слышали – спросила:

– Еще кого-то ждем или уже весь персонал на своих рабочих местах?

– Ви хэв еще два кодера на удаленке! – ответно покричал Кондратий.

«Еще два кодера каких-то», – записала в блокнот Валентина Петровна и, подняв голову, поймала откровенно сочувственный взгляд Иваныча.

– Ну, ну, – сказал тот и, похлопав не успевшую увернуться Мордасову по плечу, ушел в большую комнату к «мелюзге».

Валентина Петровна допила винтажный напиток (а прав-

да, что в советское время кофе варили в огромных кастрюлях и разливали по граненым стаканам поварешкой?) и стала прикидывать очередность своих первых действий как эйчара, тьфу, кадровика!

Освоиться на рабочем месте, кстати, где оно? Посмотреть, что осталось от предыдущего кадровика, то есть, прости господи, эйчара. Ознакомиться с личными делами коллег... Но сначала пообщаться с руководителем, с Геной, стало быть, который Ваня, и утрясти все детали собственного трудового договора.

– Ваня, можно вас? – Валентина Петровна заглянула в соседнюю комнату.

– Угу, – ответил Красноглазик, не отрываясь от компьютера.

– Иван? – снова позвала она через минуту.

– Угу, угу.

– Товарищ Генеральный директор!

На это обращение Красноглазик и вовсе не откликнулся.

Валентина Петровна немного подумала и решила максимально усилить призыв.

Мало что может соперничать по притягательности с виртуальной реальностью. Разве что волшебное зелье – свежесваренный домашний борщ.

Мордасова сходила к себе на десятый этаж и принесла в логово трехлитровую кастрюлю с борщом, еще одну – с компотом, поварешку, стопку чистых тарелок, башенку вло-

женных один в другой стаканов, ложки, солонку, перечницу, банку сметаны, головку чеснока, нож и буханку бородинского. Пришлось сделать две ходки, потому что сразу все унести никак не получалось.

Волшебное зелье начало действовать сразу же. Едва Валентина Петровна сняла крышку с кастрюли и мажорный запах наваристого борща перебил амбре чего-то (или кого-то) пропавшего, в большой комнате стих дробный перестук клавиш, в маленькой закрипело кресло, а из кладовки, где, тихо и изысканно ругаясь, возился Иваныч, донеслось исполненное недоверчивого восторга: «Да неужто, вашу мать?!»

Через секунду в дверной проем вдвинулась квадратная фигура, увенчанная серебрищимся ежиком, но Валентина Петровна решительно отмахнулась половником:

– Позову!

Ежик затрясся, понятливо кивая, и послушно отступил, но продолжал взволнованно сопеть в прихожей. Валентина Петровна еще немного подождала и возвысила ласковый голос:

– Ва-ня!

В сочетании с непреодолимо притягательным ароматом борща это подействовало.

– А что тут... – задумчиво шевеля носом, явился Красноглазик: шевелюра в беспорядке, взгляд туманный, вид отсутствующий. Он увидел дымящуюся на столе тарелку борща: – Ой, а я такое не е...

Окончание фразы бесследно потерялось в азартном чавканье.

– Не ешь, не ешь, – согласилась Валентина Петровна, подавив порыв по-матерински погладить взъерошенную голову, низко склонившуюся над быстро пустеющей тарелкой.

Иваныч из прихожей молча показал ей большой палец и улыбнулся, как Чеширский кот.

– Рассказывай, – предложила опытная кадровичка своему Генеральному, когда тот удивленно уставился на дно пустой тарелки. – А я пока тебе добавочки и хлебушек чесночком натру... Какие задачи, условия, работа проектная или в штат, что с соцпакетом и зарплатой?

– У вас-то? – Ваня-Гена поднял на нее глаза – уже не красные и затуманенные, а сияющие чем-то подозрительно похожим на влюбленность. – Да как скажете! Что угодно! Какие ваши условия?

Валентина Петровна щедро подлила стоворчивому руководителю добавочки и озвучила свои условия. Еще до того, как тарелка вновь опустела, они были полностью и безоговорочно приняты.

– Теперь про производственные проблемы давай, – велела кадровичка и поставила перед шефом стакан с еще теплым компотом.

Из замороженных ягод варила, но все равно очень вкусный получился.

В рассказе о производственных проблемах Валентина

Петровна уловила основную суть, лишь мелких деталей не поняла: повествование изобиловало незнакомыми мудреными словами вроде давешнего гыр-мыр-пыр. В сухом остатке выходило, что компания «Гырмырпыр Гырмырпейшен» разрабатывает современный высокотехнологичный продукт.

– Это будет прорыв на рынке дефай – децентрализованная криптовалюта с открытым кодом, использующая тот же алгоритм хеширования, что и биткойн! – вдохновенно поведал Ваня-Гена.

«Прорыв в гырмырпыр», – перевела для себя Валентина Петровна.

Он намечался вот-вот, в ближайшем будущем, однако на финальной стадии процесс постоянно тормозили какие-то досадные помехи.

– У нас в роадмапе – выход на Ай Си О, листинг на бинансе, – говорил Ваня-Гена, и Валентина Петровна хладнокровно зафиксировала в голове: «Гырмырпыр на гырмырпыре и гырмырпыром погоняет», – а у нас люди из команды исчезают, как испаряются! Один фронтенд-разработчик, второй! Эйчар эта, Ирина или Марина, не помню!

– А как они пропадают? – уточнила опытная кадровичка, у которой никто никогда не пропадал в обход трудового законодательства.

– А как-то! – Ваня-Гена не то просто экспрессивно взмахнул руками, не то с намеком очертил в воздухе некий Бермудский треугольник. – Уходят и не приходят! Ни в офис, ни

в мессенджеры, ни в зум! В сети нет! Абонент недоступен!

– А дома?

– Где?

– Дома! Живут же они где-то, ваши пропавшие? – терпеливо объяснила Валентина Петровна.

– Ну-у-у... Наверное, где-то живут, – согласился Ваня-Гена, но так неуверенно, что стало ясно: пропавшие сотрудники свободно могут жить где угодно – на соседней улице, на Каймановых островах или на одном из спутников Юпитера. Где именно, Генеральный директор «Гырмырпыр Гырмырпейшн» не знает, потому как никогда этим обстоятельством не интересовался. В самом деле, к чему эта скучная проза обитателям метавселенной?

– А еще у нас дон отвалился, – дополнил печальный сказ Кондратий, вызванный на борщ вторым.

– Дон? Какой именно? – Валентина Петровна смотрела на гнома не мигая.

Она-то знала много разных. Есть Дон, который река в европейской части России. И который Жуан. И тот, что главный мафиози...

– Обыкновенный – донатор, – Кондратий, похоже, был не в курсе многообразия вариантов. – Ит из спонсор, заказчик... Короче, он деньги давал на проект. Сначала давал, а потом вдруг перестал, причем без всяких претензий и объяснений. Пропал с горизонта – и все, на связь упорно не выходит, на контакт не идет. Был дон – и сплыл. Но мани!

– Вначале были Гена и Саня, – библейским слогом вещала Нюха, приглашенная третьей.

От чесночного хлеба она отказалась, борща съела только полпорции, зато компота выпила три стакана.

– Ху из Саня? – спросила Валентина Петровна и, спохватившись, что переняла заразительную манеру Кондратия, поправилась: – Кто это – Саня?

Тут снова возникали версии. Если Гена при ближайшем рассмотрении оказался Генеральным директором, то Саня вполне мог быть, например, санитарным инспектором. Звучит же? «Вначале были гендиректор и санинспектор...»

– Саня – бывший друг Вани, они софаундерами были, – объяснила Нюха и потрясла пустой стакан, высыпая на ладонку вишенки. – Основателями проекта. Вместе начинали, донов и спонсов нашли, собрали команду, а потом рассорились и разбежались, теперь вообще не общаются. А были же неразлейвода, даже жить бок о бок собирались, недвижимость купили по соседству...

– Подумаешь, разработчики ушли! – просторно махнул рукой с зажатым в ней чесночным хлебом Клаус, занявший лобное место за столом четвертым. – У нас Интернет пропадает, вот это проблема!

– А потому что пакостники какие-то в доме живут, хулиганят, – высказался Иваныч, накормленный и опрошенный пятым. – Поймаю – руки оторву! Уже два раза оптоволокно резали, твари, а вчера в распределительный щит залезли и

электричество отрубил – мелюзга час без света сидела, пока я не починил.

– Странно, а у меня свет был, – припомнила Валентина Петровна.

– А вы где, извиняюсь, проживаете? – заинтересовался Иваныч.

Пришлось признаться, что этажом выше.

– Это просто прекрасно, – оценил админ-на-все-руки-мастер, прокатываясь одобрительным взглядом по внушительному фасаду собеседницы сверху донизу. – Ни опозданий, ни траты времени на дорогу...

– Эх, все бы ничего, да «Корзинка» внизу закрылась, – со вздохом посетовал похожий на юного жирафа Юрец-огурец.

Валентина Петровна кивнула. «Корзинку» она знала – так называлась крошечная кофейня на первом этаже их дома. Непритязательное заведение, даже без столиков, все на вынос, но кофе вкусный и недорогой.

– Мне их поп-кейки очень нравились, – застенчиво признался Юрец. – А Гена там по утрам кофе брал, совсем горячим приносил... А теперь через дорогу мотается, в башне напротив своя «Корзинка», но там всю выпечку быстро разбирают – людей-то побольше.

Валентина Петровна опять покивала, показывая, что она в курсе: двадцатипятиэтажный жилой дом на другой стороне улицы сдали на два месяца раньше, чем их собственный, и он уже был полностью заселен.

– Ну что ж, я знаю, с чего начать, – резюмировала кадровичка, опросив всех сотрудников.

И вызвала уборщицу.

Та оказалась смуглолицей женщиной с черными сросшимися бровями. Увидев, какие авгиевы конюшни ей предстоит вычистить, она только удивленно приподняла монобровь. Офисный люд впечатлился куда сильнее. Явление народу смуглолицей женщины в платке и брючном костюме из зеленого сатина произвело фурор, который редко случается даже на показах высокой моды.

Нет, новые коллеги Валентины Петровны не оценили стильный образ сотрудницы службы клининга – их крайне взволновала перспектива скорого и неминуемого вторжения в их рабочее пространство энергичной женщины с мокрой тряпкой.

Высказывались опасения, что в процессе уборки что-нибудь крайне нужное и важное непременно будет испорчено и даже напрочь погублено.

Некоторые откровенно истерили, утверждая, что сложные инсталляции из грязных чашек, яблочных огрызков, окурков, пыльных бумаг, убитых и выпотрошенных компьютерных мышек и очень даже живых пауков – нормальный рабочий ландшафт, разрушение которого приведет к планетарной катастрофе. Ване-Гене пришлось показать подчиненным пример и первым отдаться на растерзание, подпустив женщину с тряпкой и суровым прищуром к своему рабоче-

му столу.

Это оказалось очень правильным решением. Во-первых, штафф смирился и прекратил сопротивление, оставив поле боя за уборщицей. Во-вторых, именно на дальней окраине протяженного стола Вани-Гены под покровом пыли была обнаружена важная бумага.

– Вы это видели? – с аккуратностью художника-реставратора удалив с поверхности документа густой серый ворс, Валентина Петровна показала находку директору.

– Не знаю, не помню, – потер лоб Ваня-Гена.

– Но это ваша подпись? – кадровичка указала на закорючку в углу.

– Похожа, – осторожно сказал руководитель.

– Ит из ранний склероз! – съехидничал гном Кондратий.

Кабинет у них с Ваней-Геной был один на двоих.

– Ит из заявление об уходе по собственному! – возразила Валентина Петровна. – Написано еще в апреле моей предшественницей.

– Ириной? – наморщил лоб Ваня-Гена.

– Мариной? – припомнил Кондратий.

Ранний склероз в «Гырмырпыр Гырмырпейшен» определенно был инфекционным.

– Дашей! – устало сказала Валентина Петровна и ушла наводить порядок на собственном рабочем месте, унаследованном за этой самой Дашей.

Как и следовало ожидать, ничего хорошего девочка-эйчар

после себя не оставила, только самодельный мотивирующий плакат – бумажную распечатку, пришпиленную к стене веселыми красными кнопками. Мордасова внимательно ознакомилась с коротким текстом под изображением небритого и нестриженого смазливового мужика: «Нельзя просто так взять и закрыть вакансию!» – и выбросила скомканный лист в переполненную урну. Не зря она была крайне невысокого мнения об умственных способностях и моральных качествах эйчаров. Ирина, которая Марина, то есть Даша, даже служебный компьютер оставила девственно чистым, что уж говорить о шкафчике для бумаг – ни одного личного дела!

Зато добросовестная уборщица нашла источник трупного запаха. Оказывается, один из ранних склеротиков – никто, разумеется, не признался – забыл на батарее беляши с мясом. Давно, когда отопление еще работало. Беляши долго ждали, не дождались и потребовали к себе внимания таким амбре, которое трудно было игнорировать, хотя склеротики и пытались.

Уборщица торжественно захоронила беляши в пакете с мусором. Провожали их всем офисом, зажимая носы и вытирая слезящиеся от вони глаза. Кажется, одна лишь Валентина Петровна не плакала, а тихо радовалась: все-таки запашок ее сильно смущал. Было у многоопытного кадровика опасение – как бы не наткнуться однажды на мумифицированные останки эйчара и пары этих, как их... гырмырпыр-разработчиков.

А еще находчивая сотрудница службы клининга нашла в санузле ведро с флаконами чистящих-моющих средств, плотно заткнутое тем, что поначалу было принято за половую тряпку, но оказалось скомканным синим халатом.

– Тут былъ уборщиц! – предъявив улики Валентине Петровне, сказала смуглолицая фея чистоты и искательно огляделась.

– Пропала, – философски молвила, пожав плечами, Мордасова и пошла к себе на десятый этаж – освежаться и переодеваться после активного участия в уборке офиса.

Определенно, сегодня у Валентины Петровны был день везенья. Сначала ей посчастливилось найти работу, а потом она спасла мир. И не какой-нибудь виртуальный, а самый настоящий – прекрасный внутренний мир своей уютной двушки от катастрофического потопа!

Полифоническое гудение бьющей в стальное дно ванны струи воды она услышала еще в прихожей, но в первый момент не поверила своим ушам, а во второй – глазам: из-под двери санузла к ее ногам поползла блестящая лужица.

Ахнув, Валентина Петровна дернула дверь, прыгнула в разлитое море за высоким – к счастью! – порожком и первым делом хлопнула рукой по крану, закрывая воду. Вторым она достала мобильный и высвистала наверх смуглолицую уборщицу и Иваныча.

Пока женщины в четыре руки и два ведра собирали с пола воду, Иваныч, подкатав штаны, полез под ванну и выбрался

оттуда с короткой трубой из белого гофрированного пластика. Та зияла прорехой – широкой и кривой, как зловещая улыбка клоуна-убийцы.

– Лопнула? – не поняла хозяйка. – Как же так, ведь новая совсем...

– Какой там лопнула, Валя, смотри сюда, – Иваныч стремительно перешел на ты, и с учетом экстремальной ситуации Валентина Петровна ему это позволила. – Видишь, дырка? А от нее разрез в сторону. Это ножом пырнули и полоснули, вода побежала и вытекла!

– Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось, – пробормотала Мордасова, тщетно пытаясь восстановить картину странных событий.

– Я бы той мышке лапки повыдергал! – зловеще объявил Иваныч и искательно огляделся.

– Я живу одна, – поспешила уведомить его Валентина Петровна. – Ключ от квартиры никому не давала. И, разумеется, не устраивала эту аварию сама!

– Точно? А то внизу дорогой компьютерной техники на миллионы рублей, может, ты специально к нам внедрилась для диверсии! – Иваныч то ли пошутил, то ли нет.

– Логично, – задумчиво сказала Валентина Петровна и пошла посмотреть на дверной замок.

Он выглядел неповрежденным и свежих царапин не имел.

– В квартиру проникли другим путем, – постановил Иваныч, тоже осмотрев непорочный замок.

– Воздушным? – съязвила Мордасова. – Десятый этаж...
Образовалась глубокомысленная пауза.

– Тиряпки гиде вешай, на палкон, да? – деликатно вклинилась в нее закончившая работу монобровая уборщица.

Валентина Петровна и Иваныч переглянулись и, толкаясь плечами, наперегонки помчались в гостиную, а оттуда – на балкон. Там-то ситуация и прояснилась. Символическая перегородка между суверенными пространствами соседствующих квартир из существительного превратилась в прилагательное и теперь стояла, прислоненная к стене, ничуть не препятствуя перемещениям из пункта А в пункт Б.

– Валь, да ты с ума сошла – квартиру отремонтировала, а балкон оставила в первозданном виде?! – охнул Иваныч, без почтения пнув дисквалифицированную перегородку. – Гена наш не лучший в мире хозяин, но и то кирпичные стенки на балконе вывел, во избежание вторжения, так сказать... А кто соседи твои? – Он прошел на чужую часть балкона и бесцеремонно влип лицом в стекло тамошней двери. – Вроде пусто внутри, даже мебели нет...

– Там не живет еще никто, – пояснила Валентина Петровна и припомнила: – На днях ходили какие-то по подъезду, спрашивали, кто сдает жилье, но я им не открыла, подумала – мало ли, вдруг жулики...

– Бери выше – не жулики, а диверсанты, – Иваныч совершил обратный переход через воображаемую границу, вернул на место перегородку и сказал: – Подержи так, я сейчас ин-

струменты принесу, – и убежал в офис.

Валентина Петровна стояла на балконе, чувствуя себя одиноким атлантом. Не небо, конечно, держала, но тоже нечто важное: пассивную оборону. Заодно дышала свежим воздухом (глубоко, размеренно – старательно успокаиваясь) и любовалась природой.

Та на взгляд с десятого этажа в новом жилом районе плотной застройки была представлена преимущественно небом, но оно стоило того, чтобы посмотреть: июнь в Питере – сезон белых ночей. Как раз вечерело, и солнце уже примерялось, в какой точке оно надолго зависнет на отдых, косые золотые лучи зажигали желто-розовым пламенем окна дома напротив.

Краем глаза поймав острый отблеск, Мордасова дернулась и чуть не уронила перегородку, но вовремя подоспевший Иваныч придержал ее и ловко забил пару гвоздей:

– Все, отходи, дальше я сам.

Валентина Петровна отодвинулась, развернулась к балконным перилам и снова уловила яркий отблеск. Присмотревшись, она подергала за рубашку коллегу:

– Глянь-ка, там кто-то с биноклем?

– Ну! Извращенец какой-то, – быстро глянув и отвернувшись, хохотнул Иваныч. – Что он тут высматривает? Как мы белые флаги выбрасываем?

На балкон как раз вышла уборщица:

– Тиряпки вешай?

– Вешай, – разрешила Валентина Петровна и ушла в комнату, чтобы не мешать, во-первых, и подумать – во-вторых. Или наоборот.

Вечером, уже после ухода уборщицы и Иваныча, напросившегося на скромный ужин, Мордасова вместе со своими вещами постирала в машинке чужой синий халат, и к утру тот уже высох.

В 8:45 – приличное время для деловых коммуникаций – Валентина Петровна отправила Ване-Гене сообщение: «Сегодня буду позже, нужно кое-что уладить». Сложив в ведро тряпки и флаконы с моющими средствами, она отправилась проверять возникшую у нее рабочую гипотезу. Идти было недалеко – через улицу, в дом напротив.

Вчера вечером Валентина Петровна успела подсчитать, на каком этаже зависал извращенец с биноклем, и теперь уверенно проследовала напрямик на одиннадцатый. В лифте ехала одна – в утренний час народ в основном не поднимался, а спускался, – и в кабине без помех надела поверх спортивного костюма синий халат уборщицы.

На этаже она быстро сориентировалась и заняла позицию вблизи квартир, располагающихся примерно напротив ее собственной. Вооружившись тряпочкой, Мордасова выставила рядом флаконы и приготвилась. Когда из какой-нибудь квартиры выходили жильцы – делала вид, будто наводит чистоту. Не шалит, плитуса отмывает.

На уборщицу в синем халате никто внимания не обращал. Валентина Петровна на то и рассчитывала. Тридцатилетний опыт работы в кадрах приучил ее к тому, что люди в спецодежде – практически невидимки. Пока они заняты тем, что в пределах служебных функций, никто их не замечает.

Наконец поток уходящих иссяк, и некоторое время в коридоре было пусто и тихо. Потом из лифта вывалился бородатый юноша с картонной подставкой, заполненной бумажными стаканами со знакомыми логотипами «Корзинки» в руках и рюкзаком за спиной. С трудом оперируя свободной рукой, он открыл замок квартиры номер 324 и скрылся за дверью.

Мордасова насторожилась, как гончая. Триста двадцать четвертая и так уже была у нее на подозрении: из нее никто не выходил. Зато вслед за парнем с кофе потянулись другие люди: один мужчина, второй, потом барышня, и снова парень. Минут через пять распахнулась дверь квартиры напротив, и из нее вывалилась парочка.

– М-м-м, сладкий мой! До вечера! – отлепившись от кавалера, сказала прекрасная дама и зацокала каблучками к лифту.

Валентина Петровна проводила ее задумчивым взглядом: красавица была не по погоде одета, слишком легко для начала лета в Питере.

– Пока, Вероничка! – кавалер прекрасной дамы захлопнул свою дверь и толкнул другую – с циферками 3, 2 и 4. – Гуд

монинг, банда! С новым кодом, с новым счастьем! – услышала Валентина Петровна, а потом дверь триста двадцать четвертой квартиры, несомненно, являющейся офисом, захлопнулась.

Мордасова некоторое время задумчиво смотрела на латунные цифры, потом кивнула своим мыслям, собрала уборщицкую бутафорию и зашагала к лифту.

В кабинке она сняла халат, аккуратно поместила его в ведро с флаконами и тряпкой. Приобретя вполне цивилизный, разве что чуточку странный вид – пластмассовое красное ведро не типичный аксессуар петербурженки, – она заглянула в кофейню на первом этаже и, заказав сладкий латте на нормальном молоке, поинтересовалась у девочки-бариста:

– Не подскажете, почему «Корзинку» в доме напротив закрыли?

– Это у хозяйки надо спрашивать, – пожала плечами бариста. – Хотите, Веронику Игоревну позову? – она кивнула на стеклянную стеночку, за которой в подобии кабинета восседала уже знакомая Мордасовой прекрасная дама в облегченном наряде.

Понятно, почему она даже без кофточки из дома вышла: ей всего-то нужно было спуститься на первый этаж.

– Спасибо, не надо Веронику Игоревну, – вежливо отказалась Валентина Петровна и, взяв свой латте, отправилась восвояси.

Но пошла она не на новую работу в офис, а в собственную

квартиру. По пути позвонила Иванычу, который – весь внимание и радостное ожидание! – встретил ее у дверей.

– Значит, так, – деловито сказала Валентина Петровна, вручая коллеге снятое со столба объявление о наборе сотрудников в службу доставки. – Сейчас идешь туда и нанимаешься курьером...

– Опять? – вздохнул Иваныч. В его жизни уже был такой опыт – в возрасте 50+ и спецу по компьютерному железу найти работу трудно. Эйчары предпочитают задорную молодежь с любовью к кофе с печеньками и непрокачанными скилзами.

– На этот раз ненадолго, – утешила Мордасова, прояснившая линию карьеры Иваныча вчера за ужином. – Получишь зеленый плащик и большую фирменную термосумку, принеешь их сюда – и свободен.

– Зачем тебе зеленый плащик? – заинтересовался Иваныч.

А зачем ей вместительная термосумка, не спросил. Не иначе, подумал – борщ в офис носить. Вообще-то верно помыслил...

– К чему вопросы? Разве тебе трудно исполнить мой маленький каприз? – Валентина Петровна пустила в ход сокрушительное оружие – женское обаяние.

Когда воодушевленный Иваныч унесся, помахивая бумажкой объявления, как плясунья платочком, она встала к плите и сварила пятилитровую кастрюлю борща.

Двумя часами позже кадровик с тридцатилетним стажем, переквалифицировавшаяся в курьеры, проследовала в дом напротив, радуя глаз прохожих свежей лаковой зеленью плаща, а нос – бодрящим ароматом борща. Кастрюля, даже плотно закрытая крышкой и спрятанная в короб термосумки, горделиво оповещала мир о своем содержимом.

Валентине Петровне даже не пришлось ничего говорить: кастрюля все сказала за нее. Парнишка, открывший ей дверь триста двадцать четвертой квартиры, только шумно сглотнул и отступил, пропуская «курьера» в офис.

– По одному, – предупредила Мордасова, безошибочно опознав дверь на кухню: двушка была стандартная, такая же, как у нее.

Там Валентина Петровна вынула из короба тяжелую кастрюлю, приготовила тарелки, ложки, блокнот для записей и крикнула:

– Обед!

И чужой штафф послушно потянулся на сладкую пытку борщом...

– С новым кодом, с новым счастьем! – объявила Валентина Петровна открывшему ей Иванычу и сняла с себя термокороб, который надела наоборот – на живот. – Кастрюлю неси на кухню, а плащ и сумку можно возвращать. Коллеги, мойте руки и к столу!

Обеденный стол героическими усилиями монобровой

уборщицы освободился от ига мусора и грязной посуды, так что теперь за ним с удобством разместился весь коллектив. Немножечко толкались локтями конечно, но это больше от нервов – боялись, что борща всем не хватит.

– Я чужих-то не щедро кормила, добавки не наливала, так что голодными не останетесь, – успокоила коллег Валентина Петровна.

Она выдала всем по порции, дождалась, пока есть начнут, а потом ка-ак бабахнула:

– Я все узнала! Тот Саня, который ваш бывший, затеял такой же проект. Открыл офис в доме напротив, и спонсора к себе переманил, и разработчиков, и даже эйчара – чтобы вам новых сотрудников сложнее искать было. Вы, кстати, сколько им платили?

Ваня-Гена ответил.

– Это в рублях? – уточнила Мордасова.

– Это в общем. В рублях – по трудовому договору, плюс на криптокошельки в ю эс дэ тэ... – Ваня-Гена забубнил абракадабру.

– В гырмырпырах, короче, – понятиливо кивнула Валентина Петровна. – Ну, чтоб ты знал: у Сани они побольше получают. И кофе пьют всегда горячий, потому как хозяйка «Корзинки», – чтоб вы тоже знали, – как раз Санина подруга, Вероника ее зовут. Я думаю, кофейню в нашем доме она временно закрыла по просьбе любимого – чтобы вам тут хуже было. У них беда: они за вами не успевают. Отсюда,

собственно, и все проблемы.

– Интернет, электричество, потоп? – быстро сообразил Иваныч и стукнул кулаком по коленке. – Ах, паразиты! Конкуренты проклятые! Затормозить нас хотели, а то и вовсе вывести из игры!

– Но кто предупрежден – тот вооружен! – назидательно изрекла Валентина Петровна, воздев поварешку, как маршальский жезл. – Все, я свое дело сделала. Посуду сами помоете, кастрюлю мне вернете. Товарищ Генеральный, я сегодня пораньше уйду, не возражаете? Я же нынче за троих – и уборщица, и повариха, и следователь... Надо отдохнуть от непрофильной деятельности.

Иваныч явился под вечер. Мордасова ждала его, хоть они и не договаривались. Принарядилась, прическу сделала – не такую, как у Фрекен Бок.

– А нам с тобой премию дали, – сказал гость с порога, помахав белым конвертом. – Мне в гырмырпырах, а тебе вот, держи.

Валентина Петровна не чинясь взяла конверт – заслужила, – заглянула в него и кивнула: достойная оценка!

Иваныч тем временем вытянул из одного кармана плоскую полулитровку коньяка, из другого – большую шоколадку «Аленка», поморгав вопросительно и смущенно.

– Трудно сумочку какую-нибудь завести? В карманах, в твои-то годы, – белочкой цокнула Валентина Петровна, но

посторонилась, пропуская гостя в прихожую.

– А что наши годы? Они нас не портят, – рассудил Иваныч, сбрасывая кроссовки и ловко заталкивая ноги в поданные хозяйкой тапочки. – Мы держим марку. Мы же эти... Осколки древней цивилизации!

– Великие и Могучие Атланты, – подсказала Валентина Петровна и захихикала, как девчонка.

За окном румяное солнце выкатилось из черной тучи и прилипло к небесной сини – как видно, надолго. Прекрасный летний вечер!

Марина Крамер

Румба на московской брусчатке

– Я лечу, Кира-а-а! Смотри – я ле-чу-у-у!

Она боялась даже дышать, чтобы неосторожным дуновением воздуха не подтолкнуть его, стоявшего на обшитых деревом перилах балкона седьмого этажа. Все ее тело парализовал ужас, животный страх смерти – не своей смерти – его. «Не надо, Стасик... ну, пожалуйста, не надо!» – билось в голове, но вслух она не могла этого произнести.

На улице бушевало лето, в тихом ухоженном дворике цвели цветы, бережно высаженные местными старушками в разукрашенные автомобильные покрывки, листва дичек под балконами чуть пожухла от зноя, а давно отцветшая сирень уже не выглядела такой нарядной и праздничной.

А Стас все стоял на перилах, балансируя руками, как крыльями... и вдруг начал двигаться по перекладине – бэк-бейзик... спиральный поворот влево... кукарача вправо... «Господи, это же румба... наша коронная дорожка... что же это, мамочки?» – помертвевшими губами прошептала Кира, а он продолжал исполнять вариацию под ему одному слышную музыку – недовернутый спиральный поворот вправо... и неожиданно остутился, оторвался и полетел, полетел вниз, навстречу мокрому серому асфальту...

Крик застрял в горле сухой коркой, и единственное, что смогла Кира, – это заставить себя шагнуть на балкон и посмотреть вниз, туда, где в центре моментально собравшейся толпы лежало то, что буквально секунду назад было родным ей человеком...

Собравшись с силами, Кира вышла из квартиры и медленно пошла вниз. Она понимала – все, торопиться некуда, Стас мертв – ведь не может выжить человек, упавший головой на бетонный бордюр тротуара. И еще почему-то из глубины подсознания выскочила юркой мышкой предательская и чудовищная в своей правдивости мысль: «А ведь так, наверное, лучше...»

Толпа во дворе гудела и перекатывалась, как небольшое озеро. Молодые мамочки, старушки, проводившие все лето на скамейках у подъездов, бригада дорожных рабочих, перекладывающих во дворе асфальт, – все столпились вокруг распластанного тела худого длинноволосого юноши в стареньких джинсах и несвежей свободной футболке. Вокруг головы его расплылось темное пятно, руки неестественно вывернулись... И только глаза, остекленевшие голубые глаза на изможденном бледном лице казались еще живыми.

– «Скорую» бы надо... – нерешительно произнес кто-то из дорожников, но стоявшая ближе всех к голове парня маленькая старушка перекрестилась и проговорила:

– Нет, сынок, не поможет ему врач. Насмерть разбился парнишка...

– Парнишка! – фыркнула ее соседка, интеллигентного вида бабулька в старой потертой шляпке с маленькой вуалеткой и в кружевных митенках. – Наркоман проклятый! Вся нечисть с района к нему захаживала, притон устроили!

– Тс-с, тихо! Вон девица его идет, – шепнула ей на ухо худенькая девушка с розовощеким карапузом на руках.

Все как по команде повернулись в сторону вышедшей из подъезда Киры. Она брела к месту, куда упал Стас, не видя ничего вокруг себя, кроме темного пятна вокруг светловолосой головы. Толпа зевак расступилась, пропуская ее, Кира медленно опустилась на колени, словно подломилась, не вынеся тяжелого груза. Постояв так пару минут, она упала на спину Стаса и, закрыв глаза, обхватила его руками. Она не издала ни единого звука, не подавала признаков жизни – просто лежала, обняв мертвое тело. Вокруг тоже молчали. Даже та старушка в шляпке и перчатках, что всего пару минут назад с осуждением говорила о Стасе, замолчала и, вынужденная потрескавшегося от времени лакового ридикюльчика платочек, поднесла его к заслезившимся глазам.

Дальнейшее Кира помнила плохо – то, как подъехали милиция и «Скорая», а за ней и перевозка. Тело Стаса упаковали в целлофан и положили в салон серой «таблетки», словно толкнули в раскрытый голодный рот злобного чудовища. Дверцы машины захлопнулись, отрезав Киру от Стаса навсегда. Она даже не почувствовала, как врач сделал ей укол, как соседки под руки увели ее в квартиру, не отреагировала на

то, что сотрудник милиции взял со стола паспорт Стаса. Ее охватило безразличие, а внутри появилось единственное желание – лечь и уснуть. Уснуть надолго, а еще лучше – навсегда. Потому что завтрашний день не принесет облегчения, а добавит новых проблем с похоронами. А потом придут люди, которым Стас должен деньги... Был должен. Но их вряд ли удовлетворит известие о его смерти – деньги все равно придется отдать, но сделать это теперь вынуждена будет она, Кира. Потому что иначе они ее убьют.

Кира Глазунова и Стас Стахновский переехали в Москву три года назад из небольшого сибирского города. Они не были мужем и женой, не были даже любовниками. Молодых людей связывало нечто более значимое, по их мнению, – партнерство в бальных танцах. Сильные «латинисты», которым уже нечему было научиться у своего тренера, они приняли обоюдное решение перебраться в столицу и продолжить занятия там. Двое восемнадцатилетних танцоров сперва растерялись в большом городе, однако постепенно сумели найти и жилье, и клуб, в который их согласились взять на работу, чтобы не просить денег у родителей и иметь возможность самим оплачивать свои тренировки и проживание. Стас танцевал в ночном клубе, а Кира...

Кира сначала тренировала пару малышей в том же ансамбле, где занимались они со Стасом, но потом руководитель предложила ей другое.

– Знаешь, Кирочка, я хочу тебя кое с кем познакомить, – сказала Алла Петровна как-то после занятий, когда Кира обессиленно сидела в раздевалке, не в состоянии даже снять гетры.

– С кем? – равнодушно спросила девушка, прикидывая в уме, сколько денег у нее осталось до понедельника, когда на занятия придут ее ученики.

– Понимаешь, Кирочка... есть один юноша... Он очень хочет танцевать, более того, он танцевал раньше, но потом... Словом, это долго рассказывать. Но если ты согласна с ним поработать, его отец готов платить тебе в три раза больше того, что ты берешь со своих учеников сейчас.

«Интересно, а сколько я должна буду отдавать Алле за услугу?» – машинально прикинула в уме Кира. Обычно «аренда», как здесь это называли, составляла шестьдесят процентов. «Ай, да какая разница! Разве помешают лишние деньги? Стасу нужна новая рубашка, мне бы платье подновить, да и камни Сваровски стоят почти сорок рублей штука – а нужно их на платье целую гору...»

– Хорошо, Алла Петровна. Когда он сможет прийти?

– Вот и умница! – заворковала руководительница. – Я сейчас позвоню и договорюсь на завтрашний вечер – хорошо? Тебе ведь удобно?

– Да, я работаю днем, а вечером свободна.

Эту встречу Кира потом вспоминала часто – настолько

сильным оказалось потрясение. Она приехала в клуб ровно к семи часам, как и было уговорено. Малый паркетный зал оказался пуст, а из-за закрытой двери большого доносились звуки детской «латины» – работала младшая группа. Кира поднялась по лестнице в кабинет Аллы Петровны, подергала дверь, но та не поддавалась.

– Кирочка, это ты? – раздался голос руководительницы из малого зала.

– Да, я.

«Странно, как я ее там не увидела – за зеркалами, что ли, была?» – подумала Кира.

– Спускайся к нам.

Кира легко и грациозно сбежала вниз, толкнула дверь малого зала и остолбенела прямо на пороге. Рядом с улыбающейся Аллой Петровной стоял высокий хмурый мужчина с короткими седыми волосами, облаченный в черный костюм и серую рубашку, а чуть в стороне от них в инвалидном кресле сидел невероятно красивый парень лет двадцати. Ног у парня не было...

– Ну, что ты замерла там, Кирочка? Иди к нам! – позвала Алла, и Кира с трудом заставила себя подойти и пробормотать приветствие. – Вот, познакомься. Это Николай Иванович, твой, так сказать, работодатель. А это Вадим, его сын. Ну а это, – она обняла Киру за плечи и развернула лицом к мужчинам, – это наша Кирочка Глазунова, чемпионка Сибирского округа по латиноамериканской программе, да и во-

обще замечательно способная девушка.

– По «латине»? – раздраженно переспросил глуховатым голосом Николай Иванович. – Но ведь мы обговаривали, Алла Петровна, что нужна стандартистка.

– Ну, Кирочка и стандарт танцует, так что проблем нет.

– А я, может, «латину» хочу, – раздался голос молчавшего до сих пор Вадима. Он уперся руками в колеса, оттолкнулся и подъехал к Кире. – Ведь можно же и «латину» танцевать в коляске, правда?

Румбу?

Кира совсем растерялась. Она не ожидала, что ее партнером станет парень без ног, Глазунову смущал этот видимый дефект, да и суховатый и недовольный тон отца тоже пугал.

– Д-да, – с запинкой проговорила она, стараясь не фокусировать взгляд на пустых брючинах Вадима, подвернутых под культы. – Разумеется... но только...

– Что? – Вадим осторожно взял ее за руку и сжал. – Ты думаешь, что раз я без ног, то ритма не чувствую, что ли? Я в свое время до «зондера»¹ по «латине» дотанцевал.

– Дело не в этом... просто я не уверена, что смогу... я никогда...

– Да понял я, понял! – перебил Вадим. – Ты прежде никогда не танцевала с колясочником и боишься, что потратишь время зря. Не переживай, я не готовлюсь к чемпионату мира,

¹ Sonder-class, или класс S – второй по высоте класс в латиноамериканской программе.

я просто хочу продолжать танцевать – пусть и так, в коляске. А время твое отец оплатит – да, пап?

– Разумеется, – уже более спокойно отозвался Николай Иванович. – Лишь бы ты был доволен.

– А я уже доволен, – бодро заявил Вадим, взяв совершенно растерявшуюся от такого напора Киру за вторую руку и начиная кружиться вокруг нее, ловко управляясь с креслом. – Так как? Будем румбу танцевать?

Кира заставила себя взглянуть ему в лицо и увидела, с какой надеждой смотрят на нее карие глаза и какая улыбка трогает тонкие, твердо очерченные губы Вадима.

– Да, будем, – сказала она, решившись, и новый партнер вскинул в победном жесте обе руки:

– Есть! Согласилась! Значит, так – давай прямо сегодня начнем, раз уж я все равно здесь, а потом мы тебя повезем домой, и по дороге папан тебе все объявит – расценки там, периодичность оплаты – годится? Или у тебя какие-то свои пожелания есть?

– Да, в общем, нет. Мне только нужно переодеться.

С того дня прошло почти четыре с половиной года, но Кира ни разу не пожалела о своем решении. Заниматься с Вадимом оказалось легко, сложнее – привыкнуть к тому, что не все фигуры можно исполнить, танцуя с колясочником. Однако жизнерадостность и чувство юмора Вадима компенсировали все. Кира порой удивлялась – насколько нужно быть сильным человеком, чтобы не стать моральным инвалидом

и не замечать своего физического увечья. Кроме того, Кира видела, что небезразлична Вадиму и как девушка, а не только как партнерша. Он иногда приглашал ее в кафе после тренировки, и Кира соглашалась. Вадим мог увлекательно рассказывать о чем угодно – от прочитанной недавно книги до новой компьютерной игры. Иногда он делал ей какие-то милые подарки вроде хрустальной балеринки или букетика первых подснежников, и Кира долго хранила цветы засушенными в книжке. С каждым днем она проникалась к своему удивительному партнеру все более глубоким чувством.

Сколько раз Вадим давал Кире советы по каким-то мелким вопросам, связанным с жизнью в столице, помогал разбираться во все чаще возникавших проблемах со Стасом... Да, Стас...

С ним происходило что-то неладное, чего Кира никак не могла объяснить. Сперва она решила, что Стасик завел себе девушку, а потому стал прохладнее относиться к работе, мог прогулять тренировку, возвращался из ночного клуба какой-то взбудораженный и сразу уходил в свою комнату, запирался там. К нему стали захаживать какие-то странно-ватые люди, а в квартире после их визитов оставался непривычный запах медикаментов. Однажды Кира, убирая кухню, нашла за мусорным ведром шприц.

– А, это Венька себе инсулин колот, – объяснил Стас, сидевший тут же за столом. – Он диабетик, сам себе уколы делает.

Венька, или Веник, как звали его приятели, был танцором в том же ночном клубе, где работал и Стас. Кира даже пожалела больного парня, но когда вечером рассказала об этом Вадиму, тот как-то напрягся:

– Шприц? Инсулиновый?

– Да, а что?

– А Стас ходит странный, разбитый и зрачки узкие?

– Ну, бывает... да в чем дело-то?

– Слушай, Кира, а тебе есть куда переехать? – неожиданно спросил Вадим.

– Переехать? Да зачем? – не могла понять девушка.

Вадим подкатился к ней вплотную, взял ее руку в свои и уставился в лицо:

– Кира... неужели ты не понимаешь? Ведь твой Стас – наркоман. И Веник этот, и все остальные – наркоманы они и к вам в квартиру ходят, чтобы дозу принять. Тебе нужно оттуда уходить.

– Вадим, ты говоришь ерунду! – вспыхнула Кира, вырывая руку. – Я Стаса знаю с шести лет, мы с ним с первого дня в паре стоим, мы уже роднее, чем брат с сестрой! Не может он!

– Ну да, конечно, – грустно усмехнулся Вадим, поглаживая обод колеса. – Я вот тоже всегда говорил – мой папа не такой... – И он осекся, быстро взглянул на Киру исподлобья, но та не обратила на это внимания, погруженная в свои мысли и немного рассерженная на него за Стаса.

Однако мысль, высказанная Вадимом, заставила ее приглядываться к Стасу и его друзьям чуть внимательнее, чем прежде. Они с партнером договорились сразу, что не лезут в жизнь друг друга, живут в свободное время так, как хотят, совместные расходы записывают и в конце месяца делят пополам, убирают кухню, санузел и коридор по очереди, а в своей комнате каждый наводит порядок сам. Ну и, разумеется, никаких комментариев по поводу гостей и приятелей. До сих пор все шло нормально, и совместное проживание устраивало обоих, но теперь Кира начала сопоставлять кое-какие свои наблюдения и пришла к выводу, что Вадим, скорее всего, прав. Но верить в это не хотелось.

«А я вот возьму и спрошу у Стаса напрямик, – решила Кира. – Мы ведь с детства вместе, он должен мне все рассказать!»

Оказалось, что предвидеть реакцию Стаса она не смогла... Молодой человек метался по кухне и кричал так, что закладывало уши.

– Да как тебе такое в голову пришло?! Как ты только могла... да кто ты мне?! И вообще... не нравится что-то – так вали отсюда, я тебя не держу!

– Стас, Стасик, успокойся, я же только спросила... – лепетала Кира, удивленная и испуганная его поведением.

– Спросила! А кто тебе дал право спрашивать?! Не лезь в мою жизнь, поняла?! – с этими словами Стас схватил свою куртку, задержался буквально на пару мгновений в коридоре

и выбежал из квартиры.

Ночевать он не пришел, и Кира всю ночь чувствовала себя виноватой. Утром, собравшись на тренировку, она полезла в сумку и не обнаружила кошелька. «Странно, я же хорошо помню, как вчера его убирала. Николай Иванович отдал мне деньги за пять уроков, я сложила их в отделение на замке, застегнула и убрала в сумку. Потом в магазине я рассчиталась за продукты и снова положила кошелек вот в этот кармашек...»

Расстроенная пропажей денег Кира достала несколько купюр из конверта, где хранила основные сбережения и который держала под бельем в комодe, сунула их в карман и поехала в клуб.

Стас был уже там, разминался, пробуя шаги. Вид его Кире не понравился – черные круги вокруг глаз, напряженные пальцы взлетающих над головой в пируэте рук ощутимо дрожат, лоб покрыт испариной, а темно-синяя футболка с длинными рукавами взмокла на спине от пота, да и вообще она не первой свежести, чего прежде аккуратный Стас себе не позволял.

Наскоро переодевшись, Кира вышла на паркет, встала в пару, стараясь сделать вид, что ничего не произошло. Работали молча, только дыхание Стаса становилось все тяжелее, а сердце колотилось так сильно, что Кира чувствовала это, прижимаясь к груди партнера руками.

– Стас, тебе плохо?

– Заткнись, – процедил он сквозь сжатые зубы, и лицо его искривилось в страдальческой гримасе. – У тебя деньги есть?

– Что?

– «Что, что»! Деньги, говорю, есть у тебя? Мне срочно надо... я отдам вечером...

Кира потрясенно молчала. Значит, Вадим оказался все-таки прав. Она прекрасно понимала, для чего партнеру нужны деньги, но верить в реальность происходящего не хотела. Денег было не жаль – но ведь это только начало, стоит уступить ему хоть раз – и все, он будет постоянно прибегать к ее услугам... А ведь и кошелек тоже он мог взять... Понимая, что сейчас не самый удачный момент для выяснения отношений, Кира все же спросила:

– А разве то, что было в моем кошельке, ты уже потратил?

Стас дернулся, глаза на мгновение стали затравленными, но он быстро взял себя в руки и обиженно проговорил:

– Не стыдно, а? Столько лет вместе – и ты меня обвиняешь в том, что я у тебя кошелек стянул?

– Ну, не стянул так не стянул, – вздохнула Кира, без труда догадавшись, что это тоже вранье.

– Ну, Кир... – сменил тон Стас. – Кирюш... ты займешь мне денег до вечера, а? Я заработаю и верну. – Он сел рядом с ней на паркет, погладил по руке. – Кир... мы ж всегда хорошо ладили, а?

– Стасик, мне не жаль денег – я могу все тебе отдать... дело в другом... ведь ты же умрешь от этого...

Он неожиданно обнял ее за талию, спрятал лицо в складках черной тренировочной блузки:

– Кир... я брошу, правда! Вот увидишь... брошу – завтра... а сегодня мне надо, понимаешь? Ломает меня...

Кирино сердце защемило от жалости, она гладила длинные светлые волосы Стаса и бормотала что-то, капая слезами себе на руки и ему на макушку.

– Ведь можно же лечиться... сейчас все лечат...

– Да... я буду, Кирюш... вот завтра и пойду. А сейчас... – Он поднял голову и просительно посмотрел ей в глаза.

Кира понимала, что не должна этого делать, не должна давать ему денег, но и отказать тоже не могла...

Разумеется, завтра Стас никуда не пошел, и послезавтра, и через месяц... Все продолжалось вплоть до того яркого июльского дня, когда Стас шагнул с перил вниз... Кира знала причину – буквально за неделю до случившегося он признался ей, что должен крупную сумму денег одному торговцу героином, а отдавать ему нечем. В последнее время Стас приторговывал в ночном клубе, и за это ему иногда перепадало кое-что, однако в этот раз его кинули, и не кто-нибудь, а Веник, дружок Веник, посадивший его на героин. Тот сказал, что нашел оптовика, которому можно сдать всю партию сразу, однако оптовик обманул их и заплатил фальшивыми долларами. Веник куда-то пропал, и ему, Стасу, тоже не поздоровится. А теперь вот, значит, и Кире тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.